

Б.М. Лепешко

*д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: borys_lepieszko@tut.by*

МЕТАФИЗИКА ИДЕАЛЬНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В статье рассматривается дефиниция «идеального преступления», характеризуются его (понятия) существенные признаки. На ряде примеров, прежде всего, из детективной литературы, анализируются возможности осуществления идеального преступления, его сущность (криминалистическая, метафизическая), рассматриваются различные интерпретации идеального преступления. Формулируются выводы о том, что идеальное преступление не может быть рассмотрено в апологетическом контексте даже в том случае, если нет жертвы и правоохранительные органы не преследуют (по тем или иным основаниям, чаще всего ложным) преступника. Метафизика идеального преступления рассматривается и в аспекте диалектики его возможности и реального осуществления.

Введение

Идеальное преступление – это деяние, соответствующее в основном двум требованиям: оно достигло своей цели, и виновные лица не понесли наказания. Кроме того, это противозаконный акт, который целенаправленно готовится и замысел которого отработывается не один день и даже месяц. Но к определению термина мы вернёмся ниже, пока же отметим возникающий здесь своего рода парадокс. Идеальное преступление – то, которое не раскрыто. Если оно раскрыто, то о каком идеале преступного замысла и воплощения вообще может идти речь? Но если это так, то фактически налицо проблема предмета исследования: говорить об идеальных преступлениях мы не можем, поскольку они существуют «в себе», их фактически нет для любого человека, обратившегося к этой проблеме. Однако предмет всё же существует, и связано это как минимум с двумя факторами. Во-первых, история человеческого общества даёт нам массу примеров нераскрытых преступлений, причём самого разного характера, которые могут претендовать на статус «идеальных». Скотланд-Ярд так и не нашёл серийного убийцу Джека Потрошителя; ещё в СССР были убиты (а убийцы не найдены) священник А. Мень, актриса З. Фёдорова. Этот скорбный список достаточно велик. Во-вторых, мы вправе обратиться к идеальному преступлению не только «по факту» (оно состоялось и осталось нераскрытым), но и «по замыслу». Каким образом формируется деяние такого рода, какие ресурсы привлекаются для его осуществления и т.д.?

Причём нас будут интересовать в этом контексте различные аспекты проблемы, прежде всего метафизический и формально-логический. Кроме того, будет обращено внимание и на мистические, интуитивные, в целом внерациональные составляющие идеальных преступлений. Основные вопросы можно обозначить так: в чём специфика идеального преступления с точки зрения его рационального (прежде всего) осмысления и возможно ли в этой связи идеальное преступление в принципе; какие формально-логические инструменты привлекаются для формирования и осуществления идеального преступления и какова их иерархия с точки зрения предпочтений людей, осуществляющих противозаконную деятельность; каким образом идеальное преступление интерпретируется, в частности, в детективной литературе и что думают по этому поводу классики жанра.

И ещё одно «вводное» замечание, которое объясняет смысл обращения к данной постановке проблемы. Дело в том, что стремление осуществить «идеальное» преступ-

ление – из разряда вечных. Нас в этом аспекте не интересует мотивация, средства достижения цели, важно констатировать главное: преступление (как социальный феномен) в принципе неустранимо из нашей жизни, а идеальное преступление в этом контексте представляет своего рода его «высшую» ступень. Спонтанные, немотивированные преступления, преступления на бытовой почве, те, которые рождаются и заканчиваются «на улице», также представляют значительный интерес для исследователя. Однако есть смысл сосредоточиться именно на идеальных преступлениях, которые не просто содержат в себе набор метафизических, формально-логических мыслительных инструментов, но и представляют собой целую философию, философию преступления.

И первый вопрос, который требует ответа, может звучать так: каково же определение «идеального преступления»? Общепринятого ответа нет. Мало того, нет и более или менее признанных вариантов ответа на этот вопрос. Хотя само словосочетание встречается достаточно часто, например, в кинематографических произведениях («идеальное убийство»), литературных произведениях (об этом далее мы будем говорить подробнее), в иных транскрипциях (философские интерпретации, публицистические варианты, постмодернистские изыски). Один из популярных ответов может звучать так: идеальное преступление – это то, которое совершено, а его исполнитель остался неизвестным. Но это определение вряд ли нас удовлетворит и главным образом в связи с тем, что исполнитель преступного замысла достаточно часто желает, чтобы о его преступлении знали. И что в основе этого желания: болезненное честолюбие, жажда славы, уверенность в собственной исключительности или что-то иное – дело в данном случае второстепенное. Заметим, как этот мотив обыгрывается в известном романе А. Кристи «Десять негрятят». Главный герой, судья, замысливший и осуществивший идеальное (с его точки зрения) преступление, всё же не прошёл испытания неизвестностью и поведал миру о своей попытке наказать тех людей, которые, по его мнению, были преступниками, избежавшими наказания. Здесь есть и иной нюанс, методологического характера: если мы ничего не знаем (не узнаем) о совершённом преступлении, то каким образом можем его интерпретировать, осмыслить?

Иной вариант ответа может быть связан с переносом, экстраполяцией вины с подлинного преступника на человека, который оказался не в то время и не в том месте. Т.е. идеальное преступление есть то, в котором осуждён невиновный; более того, судебная система и общественность уверены в справедливости следствия и судебного воздаяния. У Ж. Сименона есть роман «Цена головы», который начинается с искусственно устроенного комиссаром Мегрэ побега заключённого, приговорённого к высшей мере наказания за совершённые им убийства. Мегрэ уверен в том, что осуждённый не убийца и потому идёт на смелый и опасный для своей карьеры эксперимент. В итоге он оказался прав, доказав, что убийства совершил совсем иной человек. Более того, настоящий преступник уверен, что задумал и осуществил именно идеальное преступление, но сам провоцирует комиссара полиции на интерес к своей персоне. Зачем – это уже вопросы не криминального, а психологического характера. Мы же пока фиксируем такую существенную черту идеального убийства, как сознательное обвинение невиновного, причём успешное обвинение невиновного.

Среди существенных черт понятия «идеальное преступление» есть и иные. Например, его элитарный характер (или претензия на такой характер). Суть этой констатации в том, что идеальное преступление – это как правило продуманное преступление, рациональное преступление, требующее хотя бы минимума знаний, в том числе и в области формальной логики. Элитарный характер идеального преступления плохо увязывается с «преступлениями улицы», т.е. с такими поступками, которые связаны с живым движением социума, с живыми отношениями людей, здесь требуется обдумывание,

проработка деталей от мотива до алиби. В этой связи в идеальном преступлении нет фигуры детектива-боевика, который вначале бьёт, а потом думает. Здесь присутствует рафинированный мыслитель, которому знакомо и слово «метод», и хитросплетения психологических нюансов. Скажем, в романах Ж. Сименона при всех их несомненных высоких достоинствах идеальное преступление фигурирует лишь однажды, в названном выше романе, и это закономерно. Дело в том, что сам Жюль Мегрэ отрицает ненужные умствования, претензии на интеллектуализм ему чужды, для него на первом месте всегда факт, от которого можно оттолкнуться и сформировать версию. Важнее всего черновая работа сыщика: встречи, беседы, собирание всей мыслимой информации, и здесь, скорее, мы можем вспомнить метод Вильгельма Дильтея, его «вживание» (в среду, в мир преступления, в ценности данного круга людей), нежели абстрактное теоретизирование. Но это вовсе не значит, что элитарный характер преступления в принципе исключён. В романах А. Кристи, особенно в тех, где фигурирует сыщик Э. Пуаро, всё решают именно «серые клеточки», возможности человеческого разума. Разве метод аналогии является ключевым в расследованиях мисс Марпл? Всем памятен и дедуктивный метод Ш. Холмса, но этот метод необходимо не только сформулировать применительно к конкретным фактам, надо понять связь между методом и возможностью разгадки того или иного загадочного случая. А это далеко не так элементарно, как любит говорить детектив своему другу и биографу Ватсону. В целом можно констатировать, что хвалебные слова, которые Холмс в ряде случаев адресует Ватсону («Вы вполне овладели моим дедуктивным методом, мой друг») для читателя не всегда понятны. Метод дедукции как инструмент «прописан» нечётко. Попробуйте использовать его в учебных аудиториях для тех же студентов юридического факультета – трудности возникнут ощутимые.

Таким образом, категория «идеальное преступление» обладает такими признаками, как сугубая рациональность мышления (и преступника, и сыщика); это элитарный характер мышления (если под элитарностью понимать некий определённый уровень теоретических знаний); это обязательное присутствие детектива, для которого приоритетными являются не бицепсы и физическая энергия, а возможности человеческого разума; это, как правило, то преступление, которое или не раскрыто вовсе, или виновником искусственно «назначен» некто, не имеющий к преступлению никакого отношения. Конечно, всё сказанное вовсе не значит, что тот или иной из названных признаков не может быть применён (проявлен) в рамках иных жанров, иных подходов. В качестве примера можно обратиться к романам такого замечательного автора, как Дик Фрэнсис. До сих пор спорят, как же назвать произведения о преступлениях, о которых он пишет: элементами приключенческой прозы, «чистого» детектива или социальных романов. Здесь много проблем: в его текстах нет интеллектуала-сыщика, да и вообще часто нет сыщика. У него отсутствует выстроенность текста на классических основах, скажем, как у А. Кристи, где всегда присутствует субъект (детектив), криминальная загадка, неторопливый и понятный читателю ход повествования. Назвать те преступления, которые расследуют герои Д. Фрэнсиса, «идеальными» нельзя, да и сам человек, вовлечённый в приключенческую сферу, не претендует на «элитарность», более того, ему чужды такие категории. Но вот что важно: в текстах Д. Фрэнсиса действует страдающий, думающий человек, человек, готовый к поступку. Но это именно думающий человек, для которого действие как правило вторично по отношению к мысли.

Элементы идеального преступления можно встретить во многих произведениях. Приведём два из них, которые, возможно, покажутся нетипичными. Первый пример – сюжет известного советского фильма, кинокомедии «Старики-разбойники». При всей «вторичности» детективной линии (кража из музея полотна кисти Рембрандта) само по себе похищение воспринимается как идеальное. Здесь есть замысел, достаточно про-

фессиональный. Есть исполнение – удачное, т.е. цель достигнута. Есть «перевод стрелок» на совершенно иной объект («картина на реставрации») и т.д. Нечто похожее можно обнаружить и в романе В. Короткевича «Дикая охота короля Стаха». Та сюжетная линия, которая связана с приходом «дикой охоты» и которая составляет смысловую ось повествования, может быть охарактеризована при помощи определения «идеальная». «Охота» опирается на умело используемую легенду, находящую отклик и понимание в умах и сердцах всех участников драмы. Она вполне могла бы завершиться полным успехом, а именно, смертью героини романа, если бы не появился герой, который разрушил преступные замыслы. В романе «прописаны» не только рационалистические элементы, но и легендарный, мистический контекст, который играет важную роль в развитии сюжета, но не в реализации замыслов.

Особо необходимо остановиться на формально-логическом контексте идеальных преступлений. Понятно почему: говорить об идеальном преступлении вне основополагающих категорий аристотелевской силлогистики достаточно сложно. Один из важнейших сегментов здесь – формулировка названий романов, иных произведений. Обращаем внимание: авторы, дистанцирующиеся от «идеальности», формулируют названия своих произведений достаточно ясно, прозрачно, лапидарно. Тот же Д. Фрэнсис: «Фаворит», «Игра без козырей», «Последний барьер» и иные. В этих названиях никаких двусмысленностей и загадок. Далее, Рекс Статут и его замечательные герои Ниро Вульф и Арчи Гудвин: «Красная шкатулка», «Чёрные орхидеи», «Слишком много женщин». А вот в качестве сравнения работы Буало-Нарсежака (Том Буало и Пьер Эро): «Смерть сказала: может быть», «Человек-шарада» и иные. Французские авторы включают в текст мистический компонент, однако лишь затем, чтобы в конце повествования представить сугубо рационалистическую разгадку происходящего. Иной подход, представленный в романах Буало-Нарсежака, связан с изменением субъекта повествования: мы слышим «голос» не сыщика, детектива, но жертвы. Такие повороты в подходах позволили не просто выстроить некую новую линию изложения материала. Перед нами и иные формы выстраивания «идеального преступления», основанные на сочетании компонентов мистического и формально-логического. Скажем, в романе «Та, которой не стало» рассказывается, как муж убил жену (утопил её в ванне), а когда пришёл унести труп и спрятать его, то обнаружил, что труп исчез. А далее «мёртвая» обращается к нему, подталкивая к принятию решения в свою пользу (речь идёт о страховке уже в связи с его собственной смертью). И речь, конечно, не только о работах французских мастеров жанра. Джулиан Саймонс пишет романы, многие названия которых могут быть интерпретированы в неклассическом ключе. Достаточно сказать, что первый из своих романов, который писался в соавторстве, позже был назван «Имматериальное убийство». Тем не менее Саймонс не реформатор детективного жанра, он в плену тех же классических традиций, в том числе и в части идеального преступления.

Один из классических вариантов идеального преступления представлен в романе Д. Уэстлейка «Полицейские и воры», в котором рассказывается о том, что двое полицейских задумывают аферу, в результате которой они могли бы получить от преступников значительную сумму денег. Разрабатывается план операции, изучаются все возможные препятствия и пути их преодоления. Их попытка незаконно обогатиться заканчивается полным успехом, они получают свои деньги. Незаконные деньги, преступные деньги. Отсюда непростой вопрос о моральной ответственности авторов подобных произведений, поскольку читателю предлагается стандарт «успешного преступления». Но может ли вообще преступление быть успешным? Может ли вообще преступление называться «идеальным»? Ответ очевиден: нет, не может.

В сущности, интерпретаций категории «идеальное преступление» может быть достаточно много, и часто исследователь затрудняется каким-то образом классифици-

ровать то или иное незаконное деяние. Вот типичный пример из практики российских правоохранительных органов. Совершено преступление: украден новорождённый ребёнок (ситуация зимы 2015 г.). Его ищут годы, вся страна, но поиск безуспешен. И вдруг оказалось, что ребёнок счастливо живёт в семье, у него любящие родители. Суть: одна женщина отказалась от новорождённого в роддоме, а другая в это же время потеряла ребёнка. И та, которая потеряла дитя, крадёт малыша и выдаёт за своего ребёнка. Идеальное преступление, хотя замысел его созрел, очевидно, спонтанно. Каким-то образом через годы всё это вышло наружу, и налицо драма. Правовой коллизии не существует: ребёнка забирают из новой и счастливой семьи; женщину, укравшую дитя, ждёт суд и наказание; ребёнка отдают в детдом, и его ждёт новая процедура усыновления или содержания в приюте. Тот же факт, что малыш плачет и зовёт маму и папу, рассматривается должностными лицами «во-вторых». Главенствует право, побеждает формальный подход, апелляция принадлежности к соответствующей правовой семье, где главенствует Его Величество закон. Перед нами достаточно старый спор между теми, кто ставит на первое место закон, и теми, для кого приоритетна справедливость. Здесь нет и не может быть однозначного ответа, кто прав, а кто нет, но вот что важно: если общество убеждено, что существует необходимость коррекции тех или иных положений нормативного правового акта, то эта коррекция должна иметь место.

И эта точка зрения не является доминирующей. У Грегори Макдональдса есть серия очень хороших детективов, где главным героем выступает журналист по имени Флетч, специализирующийся на криминальных расследованиях. В одном из романов есть замечательный диалог между Флетчем и юной наркоманкой. Передаю его в свободной форме:

- Тебе сколько лет, Флетч, – спрашивает пятнадцатилетняя девица по имени Бобби.
- Двадцать шесть, – отвечает он.
- А мне, наверное, никогда не будет двадцати шести лет?
- Нет.
- И что я должна по этому поводу думать?
- Не знаю.
- И я тоже.

Здесь нет никаких нравоучений, нет апелляций к обществу, к закону, есть факт и априорное согласие с фактом. Т.е. вот твой выбор – героин, твоя смерть рядом, но это констатации того же порядка, что «океан шумит» или «звёздное небо восхитительно». Идеальное отношение к происходящему, каким бы происходящее ни было. Наркоманы совершают преступления, занимаются проституцией, лишь бы найти деньги на «дозу». Но это их выбор, их судьба, и к этой судьбе необходимо относиться спокойно. Здесь, конечно, идеальное преступление теряет свою форму, превращаясь в социальное явление, однако суть в том, что одно от другого часто отличить нельзя.

Тот же Флетч в этом же романе незаконно получает три миллиона долларов и вывозит их из страны на частном самолёте. Это тоже вариант идеального преступления, ведь персонаж лично никого не убивал, и его не будут искать правоохранительные органы (сюжетную линию опускаем). Но это не его деньги, они принадлежат другим людям, он не может отчитаться за них ни перед полицией, ни перед налоговым ведомством. Но кого это волнует? Это жизнь, как обычно говорят пожившие на белом свете люди. А моральный контекст идеальных преступлений – это уже отдельная тема.

Заключение

Конечно, в некоторых аспектах термин «идеальное преступление» выглядит искусственным. Прежде всего, в том случае, когда речь идёт о строгих и общепризнанных признаках данной дефиниции. Но даже если и так, то это вовсе не снимает эвристиче-

ского интереса к самому явлению. И это первый вывод из сказанного. Как будут множиться попытки прийти к новым вариантам идеального преступления (а эти варианты всегда будут новыми), точно так же будут иметь место и попытки анатомии этого явления, этой острой социальной проблемы. И исходить здесь необходимо из того постулата, согласно которому идеальное преступление теоретически и практически возможно, однако на него распространяются все санкции, которые имеют место по отношению к любому преступлению. Маленький дьявол всё равно дьявол, и здесь нет альтернатив.

Метафизика идеального преступления – это, прежде всего, право выбора, в первую очередь, выбора моральных критериев собственных поступков. Причём это вовсе не обязательное требование, например, для прагматиков, разделяющих «целесообразный» подход. Они, не обременённые этикой, главное видят в ином – в успешной реализации замысла. Здесь, конечно, водораздел идёт по линии как цивилизационной, так и собственно философской, которые могут существовать априорно. Так, Эркюль Пуаро может признать целесообразность (в том числе и правовую) внесудебного наказания («Восточный экспресс»), и он же может воспротивиться такому наказанию. Далёко не случайно в книге Агаты Кристи сыщик соглашается с вердиктом простых граждан и совершением преступления со стороны пострадавших от преступника людей. А вот в фильме с Д. Суше в главной роли Пуаро категорически против такого решения. Показателен разнотой мнений: готового клише нет, нет готового решения, и каждый раз мы стоим перед выбором. Причём важно, что этот выбор может оказаться разным.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.02.2016

Lepeshko B.M. Metaphysics of Perfect Crime: Possibilities and Reality

The definition of «a perfect crime» is discussed in the article; its essential features are characterized. The possibility of committing the perfect crime, its essence (forensic, metaphysical), and various interpretations of the perfect crime are explored in the article in the examples from detective fiction. The author comes to the conclusions about inability of the perfect crime to be considered in the apologetic context, even if there is no victim, and the police do not pursue the criminal for various reasons, often false. Metaphysics of the perfect crime is considered in the aspect of the dialectic of its possibilities and its actual implementation.